

Олеа Ярков

Шуман
Книга
Первая

Олег Иванович Ярков

Туман. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32829369

ISBN 9785449073181

Аннотация

История дружбы соседей-помещиков, переросшая в историю их совместных приключений, которым нет объяснения. Пока нет... Может статься, что и не найдётся объяснений.

Содержание

Туман	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Туман

Книга первая

Олег Иванович Ярков

© Олег Иванович Ярков, 2018

ISBN 978-5-4490-7318-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Туман

Олег Янков

ПОВЕСТВОВАНИЕ ПЕРВОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Давно случилась сия история, давно. Не так давно, как Всемирный потоп, и не так давно, чтобы срок временно-го отдаления определялся ещё одним словом – «давным», но и не вчера. Можно сказать точно, что это было тогда, когда уже умели шить шапки-ушанки.

Жил в славной Тамбовской губернии, где, по преданиям, кроме нашего героя, проживали не менее славные тамбовские волки, ещё очень не старый помещик Ляцких Кирилла Антонович.

Можно ли что сказать о его внешности? Пожалуй, что, можно. Росту, Кирилла Антонович, был не большого. В дуло, старого дедовского охотничьего ружья, заглянуть не смог бы, ежели поставить оное, казённой частью, на землю.

Нрава был спокойного, причём, народовольцем, или, скажем, явным либералом он не слыл. Просто был спокойным помещиком. Его соседи судачили, что, случись, к примеру, смута, какая, или крестьянский бунт, то «красного петуха» в его дом не пустили бы. Такой вот был спокойный, и не злобливый человек Кирилла Антонович.

В своей спокойной жизни, которую обеспечивал ему доход от нескольких лавок и базарных мест, обслуживаемых посадскими людьми, мечтал, Кирилла Антонович, получить пополнение фигуры, и полный покой, для благодушных размышлений философского свойства.

В смысле фигуры, его мечта осуществилась бы через год-полтора. Увеличивающийся живот, проступал даже через надетый на Кириллу Антоновича халат свободного покроя, с вышитой диковинной птицей на спине. А второй подбородок, резко проявляющийся при опускании головы, составлял особую гордость его хозяину, при процедуре утреннего бритья.

Ещё мечтал Кирилла Антонович завести дополнительную домашнюю прислугу какой-нибудь экзотической внешности. Для чего, спросите вы? А для того, чтобы она, прислуга, а не она, в смысле женского происхождения, по одному мановению его перста выносила в сад, под его любимую грушу, его, не менее любимое кресло, покрытое настоящим турецким покрывалом с множеством кисточек. И ещё, выносила бы его самую любимую курительную трубку, вишнёвого дерева, заправленную той чудесной табакой, купленной им, в позапрошлом году, по 53 копейки за фунт, у вдовы Поповой на ярмарке в Нижнем.

Водил Кирилла Антонович дружбу с помещиком Краузе Модестом Павловичем, отец которого, ещё до рождения сына, купил соседнее имение у спившегося, и оттого, почти, пустившего по ветру наследство, имение столбового дворянина Куркина, или Курочкина... что-то такое куриное было в его фамилии. Да, так вот, откупил, отец-Краузе, недорого его именье с землицей, людьми и дюжиной гектаров леса. Сам-то, Модест Павлович, человек военный, штаб-ротмистр и отставной из-за ранения.

Кирилла Антонович с дорогой душой принимал приглашения, посетить соседскую усадьбу, как называл её Модест Павлович – «штандарт-лагерь», проводя там время в различных беседах, шутейных спорах и выслушивании бесконечных рассказов о службе хозяина.

С не меньшей охотой Кирилла Антонович приглашал своего соседа в свой приют философствующего мыслителя, окунаясь в ту же атмосферу бесед, споров и военных приключенческих рассказов.

Модест Павлович любил испить лёгкого винца, чтобы возбудить аппетит перед более крепким лафитным возлиянием. Нередко на столе появлялось и более крепкое зелье – столовое вино под загадочным номером 27, позже переименованное в водку. Кирилла же Антонович, напротив, к винам

лёгким и нумерованным, был равнодушен, предпочитая им квас и лёгкий сидр. А, вот что очень уж радовало Кириллу Антоновича во встречах с соседом под звон бокала, так это совершеннейшая незлобивость последнего, умевшего сохранять спокойную рассудительность, трезвость в поведении, и не крикливость в разговоре. Обладателю такого количества благодетелей, Кирилла Антонович запросто спускал манеру штаб-ротмистра, активно жестикулировать, что, иногда, более походило на приёмы обращения с оружием, или с саблей.

Так протекала жизнь этих помещиков, почти одновременно перешагнувших тридцатилетний рубеж возмужания. Правда, Кирилла Антонович перешагнул его на три года позже Модеста Павловича. Но эта разница ни на чём не отражалась.

Со слов Кириллы Антоновича, древний человек Овидий однажды произнёс, что вечного, под луной, ничего не сыскать. И, как ни странно, правда этих слов застала помещика за перетаскиванием любимого кресла из-под груши на веранду, где толстенная кухарка Циклида, накрывала к ужину на две персоны. И воплотителем прогнозов Овидия в бытие, стал громогласный кухаркин сын Прошка, который прибежал, и громоподобным криком объявил, что барин Модест на ужин прибыть никак не могут-с, так, что, не будет его тут.

На шестом повторе, Кирилла Антонович попросил Циклиду уговорить посланника. Получивший затрещину, Прошка резво удалился размышлять о том, за что ему досталось от матери.

Таким образом, было нарушено приятное постоянство общения, нарушено из-за говорливого древнего человека.

Отказ соседа, ответить личным прибытием на приглашение, озадачило Кириллу Антоновича. Отточенный, по личным философским понятиям, ум помещика, со скоростью стрекозы перебрал возможные варианты отказа. Тако же, анализировался и ход последнего разговора, в котором могла быть допущена хоть одна корпускула неуважения к Модесту Павловичу, или, что хуже, надсмешка. Но, как ни терзал воспоминаниями свой ум Кирилла Антонович, как ни старался найти брешь в своём отношении к соседу – ничего не выходило. Так, что же могло произойти?

Ужин, поданный Циклидой, был съеден без обычного удовольствия, да и ночной отдых не принёс успокоения. Посему, прямо с утра, горлопан Прошка был снова откомандирован в соседнее имение, дабы передать повторное приглашение посетить ввечеру усадьбу Кириллы Антоновича, и откусать, славно состряпанную Циклидой, няню.

Наглец Прошка, в точности повторил вчерашнее горлопанство в тех же выражениях, добавив, что господин Модест просит не сердчать на него, и уже завтра, около двух часов пополудни, всенепременно придут с визитом, для сугубо приватного разговора.

– Значит, не осерчал на меня Модест Павлович, не осерчал! А это – хорошо! Дождусь завтрашнего дня и всё узнаю.

Кирилл Антонович кликнул Циклиду, и с нею разом перенёс кресло под любимую грушу. Трубку принёс Прошка, которому, строго настрого, было велено помалкивать, даже если разверзнутся небеса и на землю сойдут ангелы. А, вдруг, и не сойдут, то, всё едино, не открывать рот ни по какой нужде.

Утро, предзнаменовывавшее послеполуденную встречу, Кирилл Антонович воспринял бодро. Собственноручно одевшись, и критически обзрев свою полнеющую фигуру в зеркале, помещик вдруг подумал, а не быстро ли он обретает солидность в теле? Вон, Модест Павлович, тоже склонен к различного рода размышлениям, однако же, строен и подтянут. Может и мне, подумал Кирилл Антонович, попробовать изводить себя какой-нибудь гимнастикой? Или, того хуже, английским кулачным боем увлечься? Надобно поразмыслить об сём на досуге. Нет, размышление негодже откладывать ни на минуту. Тотчас же, прямо после завтрака и нач-

ну!

Дополнительно обрадовавшись тому, что кроме визита соседа, появилась новая тема для тренировки философского ума, Кирилл Антонович бодро-тяжёлой поступью вышел на веранду, утонув в ароматах утренней снеди, вкусно приготовленной, и аппетитно расставленной на столе, слегка протёртом от росы.

– И, коли уж стану гимнастировать, велю подавать не такой сытный завтрак. А что? Да, хоть, овсяную кашу! А чем плоха овсяная каша? Исключительно ничем! В книжках пишут, что англичане её ежеутренне кушают, и что? Монархия их прочна и процветаема, в военном деле они имеют вес в мире, даже кулачный спорт изобрели. Вот и выходит, что овсяная каша не только для тела, но и уму полезна. Или, к примеру, взять лошадей? Они, да будет вам известно, не вкушают той снеди, которую ем я, а стройны, быстры и совсем не глупы.

Второе подряд упоминание об умственной силе на основе употребления овса, пришлось на четырнадцатый блин со сладким творогом, до неузнаваемости испачканным сметаной.

– Нет, определённо надобно кушать овёс, определённо!

Телесная нега, образовавшаяся после завтрака, полностью отбила охоту к размышлениям, отчего Кирилл Антонович сладко задремал в своём любимом кресле, не успев переместиться под любимую грушу.

Глаза открылись сами собой за миг до того, как к ближним воротам усадьбы подъехал Модест Павлович на своём жеребце.

– Мне думается, что масть его – каурый, – подумал Кирилл Антонович, совершенно не представляя себе окрас скакуна, обозначаемый этим словом. Но, в самом деле, не мог же его уважаемый сосед, и такой бравый офицер, иметь коня заурядной масти, на вроде – «пегий», или того ужаснее – «в яблоках»! Непременно «каурый», поскольку звучит – благородно.

– Здравия желаю, Кирилл Антонович! Рад вас видеть и, вдвойне рад тому обстоятельству, что не осерчали на меня за мой отказ явиться по вашему приглашению, – заговорил приятным голосом Модест Павлович, отдавая поводья подбежавшему Прошке.

Малолетний мучитель Кириллы Антоновича, получив право быть рядом с этим красивым животным, тотчас решил

поинтересоваться, мол, накормлен ли конь, напоен ли? Имеется, какая другая надобность у коня, или у хозяина? Но, увидав выходящую из двери дома мать, тут же, зажав рот ладошкой, поторопился увести коня, тем самым сохраняя свой затылок от материнской ладони.

– Можете мне поверить на слово, Кирилла Антонович, что никак не возможно было положительно ответить на ваше предложение. Однако, как только я смог, тут же примчался к вам, пустив Злойку в галоп. Есть у меня к вам, Кирилла Антонович, разговор, не терпящий отлагательств.

– Кирилла Антонович, – грудным голосом сказала Циклида, – прикажете подавать обед? Или, погодить малость?

– Да, обеденное ли время, Циклида?

– Помилуйте, Кирилла Антонович, уже без четверти три, ежели, не больше, – быстро сказал Модест Павлович, и устроился в менее любимом кресте хозяина.

– Тогда, пожалуй, подавай, голубушка. И вина вынеси нам, вкусенького. Задумался я, Модест Павлович, сильно задумался, вот и не проследил за дневным часом.

– Ага, задумался, – проговорил про себя штаб-ротмистр

и, снова-таки, про себя, улыбнулся.

Закончив с установкой обеденных блюд, Циклида, уходя, толкнула необъятным бедром руку Модеста Павловича, отчего из бокала, находящегося в этой самой руке, выплеснулось вино.

– Экая, ты, милочка, корова! Нет, право, Циклида, обходительнее надо поступать с гостями. Тем более такими, как Модест Павлович.

Полностью отошедший от сна, помещик принялся бранить Циклиду.

– Да, полноте, Кирилла Антонович, пустое! Не на сюртук ведь пролилось. А Циклида, впредь, будет осмотрительнее, да, голубушка? Вот и славно! Поди, принеси, чего покрепче, у нас будет долгий разговор. Да, проследи, чтобы никто нам не мешал – ни по пустякам, ни по делу. Ступай!

Разговор двух соседей и, почти, ровесников, кружил, подобно падающим листьям с осенних деревьев, пока Циклида не вынесла необходимые напитки, и не удалилась в дом сама, ничего, на сей раз не зацепив.

– Я, Кирилла Антонович, готов к разговору, внутренне,

однако ж, нахожусь в затруднительном положении относительно того, как мне следует начать свой рассказ и, что особенно важно, с чего начать. Пожалуй, начну издалека. Как вы знаете, Кирилла Антонович, я человек военный, и многое повидавший. Проходя обучение в кадетском корпусе, да и на самой действительной службе, становился свидетелем многих, смею вас заверить, происшествий, как трагических, так и уморительных. И всем этим событиям, могу дать объяснение. Однако то, что я увидел в Плевне, и о чём хочу рассказать, объяснений не имеет. Да-с!

Квартировал наш полк, перед главным походом на Шипку, в маленьком городишке... дай Бог памяти, Радишево. Находились мы в арьергарде, проводя время в обучении солдат окопному производству, приёмам штыкового боя и навыкам вторых номеров, при орудиях, вести прицельную стрельбу. И вот однажды, я и артиллерийский майор, с которым я приятельствовал, возвращались в лагерь из этого Радишево, где мы... проводили время. Выпито было не мало, настроение было отменным, луна светила довольно ярко. Уже подходили мы к последним домам городской окраины, как тут, словно из-под земли, появился старик в рваных портках, в каких-то чунях на босу ногу и с длинными седыми волосами, растущим ключьями. Он двумя пальцами взял за локоть моего приятеля, поманил меня, дабы я приблизился, и сказал очень гнусавым голосом.

– Одна телега на сто душ, один туман на всех. Они снова приехали. Не дайте себя увидеть – пропадёте.

Сказал, повернулся и, как мне показалось, зашёл за дерево. Однако, мы с майором, там его не обнаружили. Ночные фонари, по понятной причине, мы с собой не брали. И, как назло, тут же спряталась луна за тучами. Темень – хоть «Ура» кричи! Но вино, выпитое незадолго до этой встречи, лишь добавило нам куража, а не рассудительности. Немного поразмыслив, мы решили считать эту встречу недоразумением и, быстро найдя короткую дорогу к лагерю, двинулись в обратный путь. Надобно заметить, что нас с майором, та встреча более веселила, нежели сказала на нас огорчительно. Сперва посмеиваясь над стариком и его пророческими словами, затем сочинив куплеты из тех же слов, мы веселили себя, распевая их во всё горло.

Коли на всех один туман —

Ты, старик, изрядно пьян!

Одна телега на сто душ?

Прими, скорей, холодный душ!

Они приехали опять?

Пришла пора вновь наливать!

Коль нас увидят – пропадём?

Тогда, погромче мы споём!

Слушавший, со всё возрастающим вниманием Кирилла Антонович, при декламировании этих строк немного огорчился. Он считал своего соседа более серьёзным стихотворцем, во всяком случае, не таким, который мог бы баловаться такими легковесными рифмами, доступными любому... да, хоть и Прощке! Какой моветон, право слово!

– Да-а, – с ноткой отстранённой разочарованности произнёс Кирилла Антонович, А для придания своим словам особой полноты и философской наполненности, помещик наклонил голову так, чтобы нижняя челюсть выдавила из полнеющей шеи второй подбородок, придающий Кириллу Антоновичу особую, и степенную глубокодумность. – Слабоваты случились стишки, слабоваты. Слабоваты, даже, для буриме.

– И что с того, что слабоваты? Они сложились быстро, и не в трезвых головах. Но, на тот миг, они казались нам

достойным дополнением нашему обоюдному настроению. В любом случае, я продолжу?

– Извольте, Модест Павлович, извольте!

– Так, слушайте, же! Идём мы с майором, напеваем, нам уже видны ранжирные ряды походных палаток. Одно слово – мы прибываем в расположение. И вот в тот самый миг, мы, вдруг, остановились, словно нас поразило молнией. Одинаковые мысли случились у нас в головах, ей Богу, одинаковые! Мы стоим, с майором, как вкопанные, глядим, друг на друга, даже не в силах ответить караульному солдату парольное слово, которое он требовал от нас! Лишь через несколько мгновений мы вернулись в привычное состояние души и, тотчас, не сговариваясь, задали друг другу один и тот же вопрос – а на каком языке с нами говорил тот старик? Могу, Кирилла Антонович, поклясться всеми святыми, что речь его была не русского происхождения. Более того, слов, из языков других славянских народов, коих, за время военной кампании я наслушался довольно, не произнесено было такоже. Ни я, ни мой попутчик, и слыхом не слыхивали этого языка, однако, чудесным образом, поняли весь смысл сказанного стариком. Более того, мы смогли дословно повторить всё, что гнусаво сказал нам седой старик.

Модест Павлович налил гранёный фужер, и залпом,

до дна, осушил его. Кирилла Антонович, почувствовавший ещё больший интерес к повествованию соседа, попросил и ему наполнить фужер. «Но», – промолвил он, подумав, – «пожалуй, наполовину. Да, половины фужера будет довольно». И тут же попросил продолжить.

– Около штабной палатки мы, майором, расстались. Мы были настолько увлечены разгадкой этого ночного ребуса, что, даже, не пожелали друг другу спокойной ночи. Надобно ли уведомлять вас о том, как я провёл ту ночь? Смею вас заверить, что такое же ночное беспокойство испытал и майор, о чём он поделился со мной перед утренним построением. А ближе к вечеру, сославшись на необходимость посещения Радишево по продовольственной нужде, мы, с майором, отправились искать того седого старца. Уж не стану, возвращаясь назад в рассказе, утомлять вас, уважаемый Кирилл Антонович, перечислением тех мук, которые мы испытали в течение того дня, ожидая вечернего похода в город. Однако все наши усилия оказались тщетными. Одни горожане, не скрывая неприязненного отношения к русским офицерам, молча уходили прочь, иные – лишь пожимали плечами, говоря, что никого похожего, на описываемого старца, не видали. И было, нам, в пору, держать обратный курс, как, чудесным образом, мы снова оказались около постоянного двора, в котором, вчера вечером, весело проводили время. Хозяин нас признал, и любезно пригласил к столу на ве-

ранде, которая сплошь была увита плющом. Мы отказались, сославшись на обременённость поисками странного старика. Однако хозяин был столь настойчив, что нам пришлось ему уступить. И только перед нашим уходом, хозяин, подойдя к нам, полюбопытствовал, какого именно старика мы ищем. Услышав нашу историю, хозяин, а звали его Левко, сказал, что ещё тогда, когда он был мальцом годков семи, его дед однажды поведал ему странную историю, которая запомнилась Левко на всю жизнь. А история – такова. Когда дед Левко был того же возраста, что и слушавший Левко, в их, тогда ещё маленьком селении, появился старый еврей. Он был очень странным, и люди его сторонились. В чем была странность? Он болел срамной болезнью. Язвы покрывали его тело, нос был провален, отчего говорил он чрезвычайно неприятно – слишком гнусаво. Растущие отдельными прядями волосы, были длинны. Ходил он в войлочных чунях на босу ногу. Где он проживал, и чем питался, никто не знал наверняка. Но этот старик, его в селении прозвали Вечный Жид, иногда подходил к местным жителям и, совершенно неожиданно, предупреждал о том, что у кого-то завтра пропадёт корова, и что сыскать её можно будет там-то, и там-то. Или, напротив, искать и вовсе не следует, она сама придёт через день. И всё случалось именно так, как говорил Жид. Он находил утерянные кольца, говорил, кем разрешится при родах молодуха, и хорошим ли будет урожай подсолнечного семени. Такой был старик. Через год, или два, к нему в се-

лении привыкли, перестали его избегать. И вот в один год, как раз после сбора урожая, он, вдруг, приходит к старосте, а старостой был мой прадед, – говорит Левко, – и произносит своим гнусавым голосом, что скоро будет туман, но туман – не простой, а такой, в котором появится телега, величиной на много душ. Говорил, что следует не попадаться на глаза тем, кто правит ею, иначе – будет беда. Сказал – и ушёл. Куда ушёл – никто не видел, но более, в том селении, он не объявлялся. И вот что ещё удивило старосту, когда он пересказывал односельчанам услышанное от старика. Слова, которыми сие говорилось, были чужими для славянского уха, однако всё, сказанное старцем, староста уразумел полностью. Ну, не чудо ли? Но чудо было в другом. На третий день, после исчезновения Жида, на селение опустился туман. И туман, сие надобно отметить отдельно, не обычный. Вы, говорил нам хозяин постоялого двора, господа русские офицеры, должно быть, заметили, что наше Радишево стоит на склоне большого холма, заметили? Да, отвечаем мы, этот сложный ландшафт мы не могли обойти вниманием. Так вот, продолжал Левко, дом деда был почти на самом верху холма, и всё селение было, как на ладони. И очень хорошо был виден туман, который густым дымом, как змея, вился от дома, к дому. А по краям, этого змеевидного тумана, было также дымно, но разглядеть, кое-что, было возможно. Мой прадед решил спуститься к тем домам, через которые проходил туман, совершенно позабыв о предостережении седовласого старца.

Более, моего прадеда, никто не видывал, равно, как и жителей тех домов, через которые проходила густейшая дымка тумана. Люди судачили разное, но никто не смог растолковать, куда подевались люди из домов, и чьи пальцы, волосы и обрывки окровавленной кожи и одежды, валялись в опустевших домах. А вот те, кто попал в едва прозрачную полосу тумана, в один голос твердили, что видали длинную телегу, запряжённую парой лошадей, понуро тянувших оную телегу. И ещё, что видели селяне – в той телеге было три человека. Одеты они были, как бедные бессарабцы – в мятых каракулевых шапках, жилетах, мехом наружу и в заплатанных портках. Среди них, третьим, был малец, лет пяти – шести, который зло зыркал по сторонам, и показывал маленьким пальчиком на глазающих селян. Однако, двое взрослых, не обращали никакого внимания на мальчишку – они были хмуры. Через два часа туман расселся так же скоро, как и появился, а когда начали считать пропавших, и вспоминать обо всём, что хоть как-то связано со стариком, предупреждением, туманом и пропажей односельчан, то обрили внимание, что пропали именно те, кто обращался за помощью к старику, либо этот старец сам к ним подходил. С тех пор прошло много лет, но, более, никто не видел того старика, и ничего о нём не слыхивал. А почему, господ русских офицеров, так заинтересовал тот старик? Да, отвечаем мы, есть у нас знакомый литератор, мечтающий написать что-то увлекательное. Вот, говорим, мы и решили подкинуть ему сюжетец. Спаси-

бо, говорим, за рассказ, вот деньги за вино. А хозяин помолчал – помолчал, да и говорит.

– Боюсь, что вы встречали того старика. Видать, он снова тут объявился. Может, его война привлекла, а, может, что иное. Только, – говорит он, – господа офицеры, очень берегитесь того тумана. Можете, если хотите, обманывать своих командиров, но старого Левко вам не обмануть. Вы в большой опасности. А, может, и наш городок снова будет под тем жутким туманом. Скажите на милость, из того, что я вам рассказал, показалось вам знакомым?

– То, что касается старика – полнейшее совпадение, – отвествуем мы. – А сколь много пропало односельчан от того тумана?

– Много, – говорил Левко, – двадцать три взрослых, и пятеро детей. Выходит – двадцать восемь.

– Осталось семьдесят два, – в задумчивости сказал тогда майор.

– Если туман не появлялся ещё где-то, – сказал Левко и, отказавшись брать с нас денег за вино, откланялся.

Модест Павлович взял со стола винную бутылку тёмного стекла и, убедившись, что она пуста, с сожалением пожал

плечами.

– Циклида! – Громче Прошки крикнул Кирилла Антонович, – Циклида! А, ты уже тут? Голубушка, достань-ка ещё винца.

– А не будет ли вам? – Утробным голосом проворковала кухарка. – Как бы вам утром не хворать.

– Да, тебе что за печаль? Неси, коли велю!

Уже второй раз Циклида удалялась с веранды, ничего не зацепив и не обронив. Это был верный признак её дурного расположения духа. Когда вино было разлито, Модест Павлович продолжил.

– Надобно ли описывать то волнение, в котором мы пребывали по дороге в лагерь? Да, и ночь прошла скверно. А наутро, все вчерашние тревоги, слегка сгладились неотложными военными делами. Как я уже упоминал, городок стоит на склоне большого холма, занимая одну, более благодатную для крестьянского труда, сторону. А второй склон, полностью не обжитой, было решено использовать, как место для учебных манёвров пехоты и артиллерии. Да и ландшафт для этого подходил идеально – внизу, повторяя рельеф холма, были сооружены полевые окопы в полный рост, а на одном

из уступов, того самого холма, расположилась батарея моего приятеля майора. Фортификационные сооружения решено было не возводить, а произвести....

– Модест Павлович, миленький, увольте меня, сугубо гражданского человека, от всех ваших военных терминов и подробностей! Я и половины, из сказанного вами, в толк не возьму, а вы всё продолжаете, уходя в сторону от интереснейшего повествования.

– Да-да-да, увлёкся, простите великодушно, но моё повествование не может обойтись без одной подробной детали. Вам, Кирилла Антонович, надобно всё выслушать до конца. Итак. У подножия холма, в форме лошадиной подковы перьями вперёд, производятся окопы, а на уступе, позади окопов, и сажень на сорок выше, устанавливаются орудия для... простите, просто устанавливаются орудия. И в последний момент майор решает сменить диспозицию из-за того, что между ним, и окопами, растут деревья, делающие невозможным зрительный контроль за положением у подножия холма, понимаете, Кирилла Антонович?

– Отчего же, это я понимаю. Продолжайте!

– Извольте! Майор вскочил на коня и поскакал в сторону от своей батареи, определяя лучшую позицию. Я же на-

ходил на противоположном склоне холма, ведя картографическую сводку, отмечая расположение нашего полка и воображаемого противника. И вот тут всё и случилось! Совершенно ниоткуда, стал появляться туман, да так быстро, что через четверть часа всё подножие холма было им укрыто. Вы, Кирилла Антонович, сами понимаете, что в тумане, как в природном явлении, ничего необычного не сыскать. Однако, не в том тумане, о котором мы, с майором, были слышаны. И верно – словно проложенный сапёрным шнуром, и только в определённом месте, туман был плотнее во сто крат, и это было видно только с моей позиции, и позиции майора. И этот плотный, туманный шнур, как его прозвал Левко – змейка, подходил к нашим окопам, проходил через них и поднимался по склону вверх, прямо к батарее! Я видел майора, неотрывно глядящего в низину, и понимал, что он охвачен тем же предчувствием ужаса, который начинал сковывать и мои члены. И тут я отлично увидел длинную повозку, или, если угодно, телегу, в которую были запряжены лошади. В самой повозке было трое людей – двое, как мне прикинулось, взрослых, и один ещё совсем малец. Телега ехала медленно, а ездоки, понуро опустив головы в каракулевых шапках, словно дремали, слегка покачиваясь на козлах. И только малец, я никогда не позабуду этого лица, зорко следил по сторонам, сверкая большими, словно взятыми у большой фарфоровой куклы, глазами. Очень злыми, и не мигающими глазами. Я не могу взять в толк, как я смог разглядеть

и запомнить столь много во внешности ребёнка, ведь телега находилась от меня, не менее, чем в ста саженьях! Однако увидел! И ещё одна подробность, воспоминание о которой холодит моё сердце – у мальчишки были тёмные и острокопечные зубы, напоминавшие наконечники стрел. До сего момента не могу понять, как я смог разглядеть подобные мелочи на таком расстоянии?

Кирилл Антонович, воспринявший последние слова соседа, как тему для рассуждений, наклонил голову, создавая многозначительный второй подбородок. Но, не судилось помещику впасть в философский анализ, напоминающий недавно прочитанные труды Мишеля Монтеня. Штаб-ротмистр снова заговорил.

– Пока я размышлял над необычностью видений и моих восприятий, телега уже двигалась, аккуратно над окопами, и, сквозь полупрозрачность туманной дымки, я созерцал солдат, жестами указывающих на телегу тем, кто не мог её наблюдать. И в тот же час майор, наблюдавший с противоположного склона за повозкой в свой полевой бинокль, неосторожно повернулся и пустил отражённый от солнца блик непосредственно на телегу. Тот блик не мог быть незамечен ездоками и, особенно, мальцом. Он вскричал, да так громко и пронзительно, как не смог бы закричать человеческий ребёнок! Право слово, именно так мне, в тот миг,

и подумалось! А события летели дальше и быстрее! От того пронзительного крика, возница, натянув поводья, остановил телегу. Малец, пальцем указывавший на майора, вскричал вновь.

– И-и-ы-ы-г-о-ш-ш-а-а-а!

– Огради, меня, Господи, ещё хоть раз услышать тот крик! Он начинался на невероятно высоких нотах и, слегка вибрируя, модулировал аж до глубокого баса – профундо, доступного, лишь искусным церковным певцам. И таких криков было два. Поверите ли вы, Кирилла Антонович, если я скажу вам, что в те секунды, вокруг меня замерли все земные звуки, даже ветер перестал шуметь в листве!

– Меня, даже, холодит от ваших слов, Модест Павлович.

– Поверьте, зрелище было архи мерзкое! Я продолжу. Как я уже говорил, у меня напрочь отсутствовало понимание того, отчего я так отлично вижу ту телегу, и сидящих в ней. Однако, продолжая вглядываться, я обратил внимание на следующее... простите, я слегка опередил события. Итак, малец, как мне привиделось, с усилием сгибал пальцы, чтобы оставить не согнутым лишь один указательный перст, коим он указывал на майора. Видимо, тело его с трудом подчинялось мускульным командам. Майор, также, неотрывно на-

блюдал, через полевой бинокль, за происходящим в повозке. Всё это длилось секунды три. Мне припомнились слова того старца – не дайте себя увидеть! А они – увидели! Что делать? Совершенно не беспокоясь о последствиях, я выхватил пистолет и дважды выстрелил в телегу, не опасаясь, что попаду в кого-то из солдат. Слава Богу, этого и не случилось! То ли шум от выстрела, то ли сверкнуло пламя из ствола, то ли пуля, не понятным образом потревожила ту туманную повозку – сие мне не ведомо. Однако я смог отвлечь внимание ездовых от майора. Первым на меня взглянул малец, своими большими, кукольными и злыми глазами. Он снова зашевелил пальцами, стараясь выпрямить указательный в моём направлении. И снова тот же визг, переходящий в басовые звуки. Возница повернул голову в сторону, в которую указывал малец. О, святые угодники! У возницы не было лица!

– Господи, помилуй! – Кирилла Антонович осенил себя крестным знаменем трижды, затем сказал, – Модест Павлович, ужели такое возможно?! Не почудилось ли вам? С такого-то расстояния....

– Отнюдь, Кирилла Антонович, отнюдь. Сие, причудиться, никак не могло, готов поклясться на Священном Писании, что каждое моё слово – чистейшая правда! У возницы, державшего поводья, не было никакого лица. Оно было гладким, как... как....

Модест Павлович крутил головой, и спешно искал глазами тот предмет, который мог бы послужить сравнительным образцом для его слов. Ничего не найдя похожего ни на, скажем, арбуз, или яблоко, штаб-ротмистр схватил бутылку тёмного стекла и постучал по ней ногтем.

– Совершенно подобная гладкость была на его... на том месте, где у нас, с вами, имеются глаза, брови, рот и прочие органы, являющиеся принадлежностью лица. А у него ничего подобного не было и в помине! Но, когда в мою сторону оборотился второй ездок!... Тут, уж, я сильно засомневался, что мой рассудок остался мне верен. У второго, поверх туманного и, кажущегося плотным тела, были, местами, видны обнажённые скелетные кости, и прикреплённые к ним мускульные волокна! Боже, мой, какое это было отвратительное зрелище! Особенно жутко выглядели его полуобнажённые скулы с редко торчащими зубами. Но, при таком отвратительном нижнем отделе головы, остальная часть лица была такой же, как и у возницы. – Штаб-ротмистр снова постучал ногтем по пустой винной бутылке.

ПОВЕСТВОВАНИЕ ПЕРВОЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Кирилла Антонович уж ухватил за хвост мысль, дающую, пусть и не полное, но, всё же, разумное объяснение волнительному эпизоду в рассказе соседа, но не случилось. Философское, бескрайне-широкое мировоззренческое мышление помещика, ещё не было готово к практически-скрупулёзным домысливаниям появившихся идей. Оно, подобно птице, которую, согласно вышевысказанному сравнительному метафоризму, помещик ухватил за хвост, принялась шумно и с усилием махать крыльями, пытаясь вырваться на волю и улететь. Что, собственно говоря, и случилось. Та яркая догадка, мелькнувшая в могучей голове Кириллы Антоновича, мигом была оттеснена другой, вызванной постукиванием пальца штаб-ротмистра по винной бутылке. Пустой.

– Циклида! – Суровее обычного позвал кухарку помещик, осерчавший не на кухарку, и не на отсутствие вина, а на себя, что не упомянул такую занятную мысль. – Циклида! Принеси ещё вина! Да, поторопись!

Уже входившей в двери Циклиде, в спину, не таким хозяйским тоном, Кирилла Антонович проговорил.

– Будь добра, голубушка.

– Буду, буду, – таким же, наиграно-сердитым тоном, отозвалась кухарка.

– Своенравная баба, но пользы от неё.... И что бы я без неё, а? Простите, Модест Павлович, что мирской прихотью остудил накал вашего повествования. Я более не стану вас отвлекать! Прошу, продолжайте!

– Да, собственно особый трагический накал, в этой истории, завершён. Осталось несколько, не менее важных дополнений. По трезвому воспоминанию того дня... благодарствую, Циклида. Как тебя по батюшке? Отчего же не стоит? Ну, ладно, будь, по-твоему. Ступай, голубушка. Так, вот. Вам подлить винца? И я, и я с превеликим удовольствием откушаю. Так, вот, то ли обзрев единовременно обе цели – майора и меня, и не определившись с тем, какова из них наиболее привлекательна, либо, не в силах изменить маршрут густого тумана, в серёдке которого, та телега, как я сейчас понимаю, могла двигаться, но никого из нас, в тот день, туманная беда не коснулась. Поднявшись, в своей туманной густоте, вплоть до орудийных расчетов, телега совершила реверсный ход и... растаяла, вкупе с остальным туманом, среди дерев. Пожалуй, я мало ошибусь, сказав, что около тридцати секунд на склоне, да и у подножия холма, царила мёртвая тишина.

– Вот, уж, действительно, военный человек, – подумал Кирилл Антонович, – ведь не произнёс, скажем, около полуминуты, а по-военному, чётко определил время. Просто прелестный у меня сосед, просто прелестный!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.